

Мария Кузникова

О КУЗНЕЦКОМ ВЕНЦЕ И ТАИНСТВЕННЫХ ИМПЕРАТИВАХ СУДЬБЫ

В выпущенной изда-
тельством "Кузнецкая кре-
пость" книжке "Загадки про-
винции" (1996) мы пытались
представить обстоятельст-
ва "кузнецкого венца"
Ф.М.Достоевского как цепь
фатальных случайностей и
совпадений, обращая внима-
ние читателя на исключи-
тельный роль "Его Величес-
ти Случая" в жизни писате-
ля. Но даже беглое знакомство с ранними произведениями
Достоевского докторской поры (1846-49 гг.) позволяет
сделать вывод, что встреча с такой женщи-
ной, как Исаева, и с таким соперником, как
Вергунов, для Достоевского, пожалуй, всё же
была неизбежной, а специфические представ-
ления о любовном треугольнике настолько
укоренились в нём еще в молодости и так
часто напоминают о себе в сочинениях дока-
торской поры, что поневоле задумаешься о
неких загадочных императивах судьбы...

"Вся кровь твоего мужа не
зальёт бешеного, клокочущего
восторга души моей..."

Итак, – какие именно треугольники обна-
руживаются в ранних произведениях Достоев-
ского, написанных и опубликованных до коллизии
Достоевский-Исаева-Вергунов? Ведь если не
только существование оных, но и сходство их с
обстоятельствами "кузнецкого венца" будет до-
казано, то перед нами – удивительный случай,
когда романист следует "один к одному" своим
"романическим" сценариям в жизни. Иными
словами – писатель настолько не скрывает своих
чувственных устремлений и схем поведения в
повестях и так точно и неукоснительно следует

им въяве, что вводит в заблуж-
дение даже нас, сегодняшних, так что иные исследователи, судя по некоторым столичным публикациям, с легкостью убеждаются в наличии неких чудодейственных, заранее предопределенных, мистических "линий судьбы", которые Достоевский якобы сам себе пророчит. Но он не пророчит. Он выбирает из жизни те персоны и те обстоятельства, которые наиболее соответствуют заложенным в его подсознании психологическим императивам

и тем самым как бы предопределяет коллизии собственной судьбы.

Любопытный аналог "кузнецкой" ситуа-
ции находим в "Бедных людях" (опубликованы в 1846 г.). К его восприятию Достоевский готовит читателя уже в начале повести, цитируя некое место из душепитательного модного романа, касающееся как раз треугольника: "...Вся кровь твоего мужа не зальёт бешеного, клокочущего восторга души моей! Ничтожные препятствия не остановят всеразрывающего, адского огня, бороздящего мою истомленную грудь. О, Зинаида, Зинаида!.." – обращается любовник к замужней даме (1; 52).

И вот – треугольник "въяве". Два героя по-
вести – Макар Девушкин и Варвара Доброселова – отвечают друг другу взаимностью. Появляется некто Быков, который ищет руки Варвары, и предлагает Макару отступного в виде 500 рублей (1; 100). Но ведь и Достоевский предлагал Вергунову своеобразное "отступное", хлопоча о повышении его чина и жалованья. Совпадение?

Варвара, хотя и любит Макара, соглашается на брак с Быковым: "Друг мой, я выйду за него, я должна согласиться на его предложение. Если кто может избавить меня от моего позора,

возвратить мне честное имя, отвратить от меня бедность, лишения и несчастия в будущем, так это единственно он. Чего же мне ожидать от грядущего, чего еще испрашивать у судьбы?" (1; 101).

Афишируемое "братство"

Но брак Достоевского с Исаевой – это тоже шанс для неё выбраться из нищеты: Вергунов был беден. И, стало быть, так же, как и брак Варвары с Быковым, в чем-то строился на расчёте...

Брак с Быковым решается скоропалительно, в несколько дней, потому что жениху "надо ехать". Но и Достоевскому – "надо ехать", и венчальные торжества оказались как бы скомкаными. Из письма Варвары к Макару: "Решение, которое вы прочли сейчас, неизменно, и я немедленно объявляю его Быкову, который и без того торопит меня окончательным решением. Он сказал, что у него дела не ждут, что ему нужно ехать..." (1; 101).

Девушкин считает Быкова человеком благородным: "Быков поступил благородно; ... так вы и соглашаетесь...", – но ведь и Вергунов не сомневается, что перед ним – достойный противник, и сдает свои позиции мирно, без боя. И в романе, и в жизни – чуть ли не афишируемое братство претендентов (1; 101).

"Скажите мадам Шифон, чтобы блонды она непременно переменила..."

Вергунов может быть доволен в той же степени, что и Макар Девушкин, ибо невеста отныне становится более обеспеченной и у неё появляется некая будущность: "Конечно, вы счастливы теперь будете, маточка, в довольстве будете, моя голубочка, ясочка моя, ненаглядная вы моя, ангельчик мой", притом, что чуть не до момента венчания Макар Варвару ненавязчиво, мягко, но – отговаривает: "...только пусть уж он (Быков) лучше женится на купчихе!.. Пусть лучше на купчихе-то женится!" (1; 102). И, значит, Девушкин, так же, как и Вергунов – опасен для брачующегося жениха вплоть до самого венца.

Удивляет еще одна деталь. В повести описывается предсвадебная суэта: "...у нас недоста-

ет блонд и кружева... скажите мадам Шифон, чтобы блонды она непременно переменила... Да скажите еще, что я раздумала насчет канзу; что его нужно вышивать крошью. Да еще: буквы для вензелей на платках вышивать тамбуром; слышите ли? тамбуром, а не гладью. Смотрите же, не забудьте, что тамбуром!.. Передайте ей, ради бога, чтобы листики на перелине шить возвышенно, усики и шипы кордонне, а потом обшить воротник кружевом или широкой фальбалой..." (1; 103). Вот точно также Достоевский будет относиться к туалетам Исаевой: хлопотать о её шляпках, ленточках, платьях. В нем чуть не с "младых ногтей" наличествовал некий стереотип поведения примерного супруга или жениха, и в жизни он лишь копирует ранее придуманного героя...

"Я ведь знала, как Вы любили меня!.."

Достоевский понимает? расчет – это для ума женщины, но – не для сердца. Потому что Варвара, так же как и Исаева, всю жизнь будет любить чувством, а не разумом, – то есть того, кого по воле обстоятельств пришлось отринуть перед венцом. Варвара – Макару: "Вы единственный друг мой, вы только одни здесь любили меня. Ведь я всё видела, я ведь знала, как вы любили меня! Улыбкой одной моей вы счастливы были, одной строчкой письма моего... Вспомните о бедной вашей Вареньке, которая вас так крепко любила" (1; 106). Так может, и Вергунов остался на всю жизнь для Исаевой "единственным другом"? По крайней мере, Достоевский об этом, как о данности, рассказывает впоследствии Анне Григорьевне, а та – дочери...

Но что же Макар? Он считает, что Варвару "увозят насильно", хоть и – "по её согласию" (парадокс такой!). Он уверен, что Варвару "там в гроб сведут" (а разве Достоевский не "свёл в гроб" Исаеву, не оказав ей своевременную помощь посылкою на лечение в Европу, где развлекался сам, и отнюдь не в одиночестве?). И уж вовсе невероятное совпадение. После венчания, оказывается, Макар выбирает себя такую линию поведения: "Я с вами уеду, я за каретой вашей побегу, если меня не возьмете, и буду бежать что есть мочи, покамест дух из меня не выйдет..." (1; 107). И – удивительное дело! – Вергунов ведь

тоже "бросился за каретой", ринувшись из Кузнецка в Семипалатинск за обвенчанными. А по сложившемуся штампу – так и до Твери сопровождал он Достоевских. По крайней мере, так пишет дочь писателя, со слов отца, конечно...

Штамп поведения

Какие удивительные совпадения! В повести как бы предвосхитилась реальная жизненная ситуация. Что говорит о существовании некоего штампа поведения у Достоевского: в каких-то схожих жизненных перипетиях он избирает одни и те же методы развязывания психологических "узелков". Посватавшись к Исаевой, он слишком много ставил на расчет, тогда как Вергунов мог "рассчитывать" только на чувства. Ситуация оказалась копийной – такой же, как в "Бедных людях". И, соответственно, линия поведения, которая уже четко была выверена и "просчитана" Достоевским в творчестве, дала себя знать в обстоятельствах, схожих с литературными.

Но могло быть и другое. Достоевский был подозрительным, интуитивным человеком. И вот он подозревает, что Вергунов тайно сопровождает его жену по дороге из Семипалатинска в Тверь. Доказательств подозрениям нет никаких. Однако интуиция подсказывает такой же вариант, как и в повести "Бедные люди", и вот Достоевский рассказывает второй жене (а та – дочери) чуть ли не о бегущем за каретой Исаевой Вергунове, уверяя себя, что по иному и быть не может, – дочь же эти психологические реконструкции возможного поведения Вергунова принимает за данность и отражает в воспоминаниях, признавая фактом не реальное, а интуитивное...

Тайные выманивания

Несомненно, в ранних произведениях Достоевского можно обнаружить то подспудное, что в нём крепко "сидело" и влияло на поступки даже в более поздние поры. Например, в "Двойнике" героиня Клара Олсуфьевна обращается к другому герою, Голядкину, с просьбой увезти её тайком из родительского дома (1; 207). Мотив "тайного выманивания", как известно, присутствовал и в жизни: именно им руководствовался

Достоевский, когда дважды предлагал Исаевой ехать к нему на свидание втайне от мужа из Кузнецка в Змиев. Причем Достоевского, похоже, совсем не смущал факт возможной погони мужа за беглянкой. Читаем в повести: "Всё было заранее готово-с. Погоня была-с..." (1; 211). Достоевский предлагал Исаевой рисковое и авантюрное, но в некотором смысле бесчестное предприятие – вполне сообразуясь со сценами из собственных произведений своей литературной молодости, очевидно, ничуть не считая их нереальными или предосудительными...

Мотив тайной измены – в "Романе в девяти письмах". Некто Евгений Николаевич добивается взаимности сразу двух дам ("Милый Eugene! Вчера никак нельзя было. Муж был дома весь вечер. Завтра же приезжай непременно ровно в одиннадцать"). Наличествует, как видим, и мотив рогоносца. Всё это будет невдолге для Достоевского чрезвычайно актуально. Тайные свидания с Исаевой плениют воображение Достоевского нездолго до венчания (Змиев!). Было, конечно, в жизни Достоевского и собственное непостоянство, особенно приметное в первой половине 60-х.

Легкомысленные сюжеты

"Роман в девяти письмах" был опубликован в 1847 г., но при жизни автора он никогда не переиздавался (впервые переопубликован лишь в 1882 г.). Возможно, Достоевский не стремился в зрелые годы лишний раз, уже после достаточно известного в свете ряда его романтических увлечений постсибирского периода, демонстрировать читающей публике некие "легкомысленные" сюжеты, опасаясь очевидных параллелей с собственной "амурной" стезёй (1; 239, 499).

Впрочем, – сказанное еще нужно доказать. Ибо упомянутые "параллели" в ранних произведениях Достоевского обнаруживаются удивительно часто. В повести "Хозяйка" (1847 г.) прослеживается мотив преследования избранницы: герой, как клещ, впивается в жертву, стараясь добиться взаимности, хотя она уже связана почти брачными узами с другим и называется в повести "супружницей". Иными словами – опять треугольник. Героиня награждается тем самым "фантасмагорическим" характером, каким облада-

дала Исаева, и жаждет собственной смерти (1; 276). Соперник главного героя – старик, подверженный эпилепсии (стариком в треугольнике Достоевский-Исаева-Вергунов, как известно, окажется Достоевский, и тоже – эпилептик). Героиня – в постоянных сомнениях: то ли любит своего нового избранника, то ли – нет ("Нет, не бывать мне твоей первой любой"), причем по ходу повести выясняется, что была у "любы" еще и третья любовь – свидетельство тому, что мотив непостоянства женской привязанности Достоевского волнует (1; 291). В довершение ко всему героиня объявляется помешанной – но ведь и Исаева считалась как бы с поврежденным рассудком. Так, может, будь Исаева свободна (от треугольника!) и менее эмоциональна, то вовсе не она оказалась бы "героиней въяве" жизненно-го романа Достоевского. "Фантасмагоричность" вписывалась в набор реалий, необходимых для "дущепитательного" романа...

Странный идеал

Число "сходств" с последующими фактами биографии Достоевского и Исаевой до того удивительно, что поневоле приходится признать, что выбор Исаевой как объекта "грозного чувства", как уже было сказано – отнюдь не случайность. Очевидно, в Достоевском подспудно присутствовал этот странный идеал женщины – едва ли не помешанной, но которая притягивает к себе, как магнит, и оттого, что её нужно добывать, становится еще желаннее.

Наличествует и мотив отказа от собственного дитяти: героиня еще в юных годах проклиная родительницей (1; 296). Нечто подобное случится и в жизни: пасынок Достоевского был не люб ни ему, ни матери.

А вот и знакомый мотив погони: "Он схватил меня на могучие руки и выпрыгнул со мною вон из окна. Мы побежали с ним рука в руку, долго бежали... Погоня, Катя, за нами! погоня за нами, красная девица... Поцелуй меня, красная девица..." (1; 297-298). Жертву приходится добывать с трудом, причем герой идет на всё, игнорируя даже возможность преследования. Не сомневаемся, что если бы Исаева, согласно договоренности, бросила мужа и поехала на свидание с Достоевским в Змиев, подразумевающееся

преследование беглянки со стороны А.И.Исаева он посчитал бы вполне закономерным обстоятельством, вполне укладывающимся в его странные представления о том, что такое любовь.

"Рабыня его опозоренная..."

Исаева как бы сошла со страниц его ранних произведений. Но его "художественному" эталону она всё-таки если и соответствовала, то – не всегда. Читаем в "Хозяйке": старик-эпилептик хочет быть "господином" украденной им возлюбленной, а героиня с удовольствием называет себя "рабыней его опозоренной" (1; 298-299). С Исаевой первоначально (вплоть до венца) всё происходило, как по нотам: её приходилось домогаться, побеждать соперников, вполне пришлось убедиться и в её "фантасмагориях", были и почти осуществленные тайные свидания (Змиев!), наличествовал романтический флер, но после венца всё это испарилось: начались бытовые будни. Отношения "господина" и "рабыни", которые бередят воображение Достоевского в пору сочинения "Хозяйки", после венчания с Исаевой тоже не сложились. "Замок на песке" оказался разрушенным.

Старик-эпилептик, который покорил воображение "фантастической дамы", в повести называется "разбойником и душегубом". Но ведь и Достоевский станет каторжником – что по тем временам вполне адекватно эпитету "разбойник". И получилось, что "послекаторжная" коллизия Достоевского с Вергуновым и Исаевой хотя бы пятидесятипроцентно повторила сюжет "Хозяйки", да и некоторых других ранних произведений писателя. Осталась только малость – довести коллизию до полного идеала, отраженного в книгах. Достоевский сделал попытку – но, увы, его ожидало разочарование...

Любовная связь со стариком в "Хозяйке" не выглядит естественной. Старик: "Я и ей чуть ножа... в грудь не всадил..." (1; 304) – говорит он о своей возлюбленной. Но ведь и в жизни Достоевского его роман с Исаевой был тоже как бы "смертоубийственным", "как в книгах". Вспомним строки из его писем: "Или с ума сойду, или – в Иртыш". В "Хозяйке" же переплелось и то, и другое: и мотив сумасшествия, и мотив убийства (а, по сути, самоубийства).

"Кто полюбит тебя, тому ты в рабыни пойдешь..."

Героиня ведет себя тоже странно. Кипят страсти, чему виной – именно она; её посещают терзательные раздумья и муки выбора, кто из претендентов ей более всего мил. Наконец, она заключает: "А мне всяк из вас люб, всяк родной: так пить всем на любовь и согласье!" (1; 305). Как это напоминает, однако, "Униженных и оскорбленных": там ведь тоже присутствуют некие пожелания "жить втроем". Так что Исаева, которая очень долго выбирала меж Достоевским, Вергуновым и "богатым томичом", вполне вписалась в представления Достоевского о настоящей женщине и подлинной женской любви, отраженные в его книгах. Вот только рабыни, как уже было сказано, из неё не получилось. "Кто полюбит тебя, тому ты в рабыни пойдешь, сама волюшку свяжешь," – пророчествует старик героине. Но свою равная Исаева рабыней быть не хотела... (1; 309).

И еще одно фатальное совпадение: известно, что со временем психический недуг Исаевой давал о себе знать всё явственнее, что так напоминает трагический финал повести: "Её хирургический совет на Москве смотрел... то есть, сударь, совсем (головой) повредилась, вот что!" (1.313). Если, конечно, верить рассказам Достоевского Анне Григорьевне, отраженным в ее дневнике, будто Исаева в преддверии кончины изгоняла чертей из комнаты. Но, может, писатель просто "подгонял реальность под подсознательный стереотип: таков конец "фантасмагорий"..."

Мнение Белинского

Становится понятным, почему Белинский назвал повесть "Хозяйка" "мерзостью" (1; 510). Противоестественное не всегда вызывает понимание. Любовь к неуравновешанной, ветреной, непостоянной, склонной к некоему мазохизму (т.е. "рабству") женщине разумом понять трудно. Однако встреча с Исаевой доказала, что "фантасмагорические" характеры бывают не только в романах...

В комментариях к полному собранию сочинений Достоевского сказано, что в 1912 г. в

Париже была поставлена пьеса по мотивам "Вечного мужа", "Записок из подполья" и "Хозяйки" (1; 511). В "Вечном муже" и "Записках из подполья" – хрестоматийно известное отражение любви Достоевского к Исаевой. А в "Хозяйке" – отражение готовности Достоевского к этой странной разновидности любви к женщине с удивительным психическим складом. Может быть, именно поэтому авторы пьесы чисто интуитивно или намеренно смешали три произведения Достоевского, чувствуя их очевидную близкородственность...

Продолжение темы находим в "Ползункове" (1848 г.): некая Марья Федосеевна – в центре треугольника: любит одного, а обстоятельства заставляют её задуматься о браке по расчету с другим (2; 11). Интимный расчет Достоевский исследует как явление и объясняет психологически. Психология расчета и его мотивы интересуют писателя живо, поэтому было бы неудивительно, если отношения с Исаевой, как деловой и прагматический расчет, возникли бы у Достоевского "не вдруг". Отсюда – просчитывание каждого шага, каждого обстоятельства, и не в последнюю очередь финансового, в его предвенчальную пору, чему доказательством служат его письма.

Извечный треугольник

Треугольник обнаруживается и в "Слабом сердце" (1848 г.): "у ней был жених, еще год назад; да вдруг его командировали куда-то", а посему героиня присматривается к новому кандидату в женихи, у коего – друг, который любит уже готовую к брачеванию пару настолько, что всерьез обсуждает, как "будем жить вместе", то есть втроем (2; 19). Героиня в восторге: "Мы будем втроем как один человек" (2; 28). И "третий" вовсе не оказывается, как в известной поговорке, "лишним". Он считает, что после венчания можно было бы жить втроем в двух комнатах, "в её руках будет счастье моё; пусть хозяйничает как с тобою, так и со мной" – говорит он жениху.

Это некое "братство" в треугольнике легко угадывается и в письмах Достоевского 1856 г. Вергунов рыдает на плече у Достоевского, причем упомянутое "братство" после венца, судя по книге Л.Ф.Достоевской, чуть ли не трансформи-

руется во всё тот же сакральный "брак втроём".

Некие аналогии с поственчальным периодом Достоевского обнаруживаем в "Слабом сердце" в сцене покупки в магазине чепчика для брачующейся (2; 23). Герой обнаруживает незаурядные познания в предметах дамского туалета: "Чепчик, душечка, чепчик; сегодня я видел такой чепчиночек миленький; я спрашивал: фасон, говорят, Manon Lescaut называется – чудо! ленты серизовые...". И как тут не вспомнить письма Достоевского, в коих он просил брата похлопотать о покупке шляпок и лент для Исаевой после возвращения из Сибири. Письма были столь же детальными, как и описание неких тонких особенностей в выборе чепчиков в "Слабом сердце". Очевидно, в Достоевском подспудно присутствует некий эталон, – как именно ухаживать за туалетом жены (мы на это обстоятельство уже обращали внимание читателя выше), причем в расчет принимаются не столько вкусы его "второй половины", сколь еще в юности усвоенная модель поведения, отразившаяся в повестях, и особое пристрастие к головному убору женщины (фетишизм?..).

"Муж под кроватью..."

"Классическое" раскрытие темы ревности (треугольник муж-жена-любовник) – в "Чужой жене и муже под кроватью" (1848 г.). Если верить Л.Ф.Достоевской, "мужем под кроватью" невдолгে станет И.Б.Вергунов. Интересно, однако, что названный рассказ переделывался Достоевским в 1859 году, то есть когда треугольник уже давно стал для Достоевского явью. Из текста рассказа он изымают кое-какие места. Например, в тексте 1848 года молодой любовник обращается к своему сопернику: "Вы, сударь, смешной, ревнивый старик" (2; 75). "Ревнивый старик" отвечает: "Нет, не старик; почему же старик? Я молодой..." (2; 420), однако означенный ответ из текста в 1859 г. писателем был изъят. Так не потому ли, что Достоевский по сравнению с Вергуновым действительно был как бы "стариком", причем – ревнивым? И, стало быть, убирая подобную реплику, Достоевский делает рассказ менее автобиографичным?

Из текста рассказа в 1859 г. исключается

также некая преамбула ко второй главе с рассуждениями о семейном счастье: "Не понимаю, решительно не понимаю, отчего я так люблю говорить и писать о семейном счастье... Порой мне приходит в голову, что не хочу ли я сам жениться?... Вот и теперь, например, ведь, право, хотел было писать о чем-то другом, а ведь-таки свернул на свадьбу... Потому что вы, может быть, уж и знаете, что было ровно через год после свадьбы... Приятель.., истинный и лучший друг, сторожил чужую жену... Вместе с тем я доказываю, что ревность вообще, и по преимуществу ревность, подозревающая даже самую невинность, – есть порок, порок смешной и нелепый, разрушающий семейное счастье и ввергающий даже умного и ученого человека часто в положения самые щекотливые..." (2; 417).

"Ревность есть порок..."

Спрашивается: зачем Достоевскому убирать процитированную выше преамбулу? Только ли потому, что она как бы разрывает плот двух взаимосвязанных частей рассказа, неожиданно вклиниваясь между двумя смысловыми "блоками"? Или всё обстоит гораздо проще: семейного счастья Достоевский так и не достиг, а желание жениться оказалось уже реализованным – так что преамбула лишается некоего автобиографического смысла. С другой стороны, рассуждения о том, как приятель сторожил чужую жену, да еще через год после свадьбы, навевают явные двусмысленные параллели. Сообщала же дочь писателя, что Вергунов имел связь с Исаевой уже после её свадьбы? И тогда выходит, что ревность Достоевского – как бы праведная, вполне обоснованная, и, стало быть, рассуждения о том, что ревность – жестокий порок, о чём читаем в преамбуле, уже – не к делу.

Оказались снятыми и рассуждения о братстве соперников. Один говорит другому: "Отчего же вы не хотите заплатить мне взаимностью? Мы бы любили друг друга. Я даже готов пригласить вас к себе в дом" (2; 419). Всё это очень напоминает "братание" Достоевского с Вергуновым накануне венчания... Но после венца всё изменилось. И потому "братание" уже выглядит двусмысленным. Как может брататься муж с любовником, – ведь у них совершенно разные

права на оспариваемую женщину: во всяком случае, совсем не такие, как – накануне венца...

"Раскаяние, как змея, его загрызёт..."

Метафазы кузнецкой коллизии, несомненно, давали себя чувствовать при переработке ранних произведений Достоевского для его собрания сочинений в 1860 г. Пример тому – не только "Чужая жена и муж под кроватью", но и "Честный вор" (1848 г.). В переизданиях 1860 г. и 1865 г. Достоевский исключает из "Честного вора" своеобразный эпилог с некими нравоучениями и наблюдениями за психологией пьяничек: "Если человек раз вошел в порок, как, примером сказать, Емеля в пьяную жизнь, так постыдное дело какое, хотя бы он прежде был и честный человек, для него уж возможным становится – то есть станет возможным помыслить об нем... он и совершил это постыдное дело... А коль совершил, да коль, несмотря на свою порочную жизнь, всё ещё не загубил в себе всего человека, коли осталось в нем сердца хоть на сколько-нибудь, так оно тотчас ныть примется, кровью обливаться начнет, раскаяние, как змея, его загрызет, и умрет человек не от постыдного дела, а с тоски, потому что всё самое лучшее, что берег помимо всего и во имя чего человеком звался, за ничто загубил... за полштофа глупой горькой сивухи..." (2; 426-427).

Но ведь известно, что первый муж Исаевой, Александр Иванович, тоже жизнь "загубил за полштофа горькой сивухи". И эти рассуждения о пороках и загубленной жизни знакомые Достоевского (и в первую очередь жена) могли отнести к А.И.Исаеву, перед которым Достоевский и так был виноват, если принять на веру его письменное свидетельство, что имел "доказательства любви" от Исаевой еще при жизни её первого мужа. А посему, дабы не было двусмысленных параллелей с биографией писателя, к тому же истолковываемых явно не в его пользу, – эпилог к "Честному вору" пришлось изъять (заметим: в произведениях зрелой поры Достоевский часто пишет о пьяницах с некой долей сочувствия)...

"Я совсем отвык от женщин..."

Очередной набор загадочный совпадений – в повести "Белые ночи" (1848 г.). Главному герою – 26 лет, то есть столько же, сколько Достоевскому в момент подготовки её к печати, – и он признается читателю в недостатке сексуального опыта: "Я совсем отвык от женщин, то есть я к ним и не привыкал никогда, я ведь один... Ведь вот уж мне двадцать шесть лет, а я никого никогда не видел... Поверите ли, ни одной женщины, никогда, никогда! Никакого знакомства!" (2; 107).

У героя – типичный комплекс неполнценного мужчины: недостаток чувственного опыта сочетается в нем с каким-то патологическим стремлением к *доступной женщине* настолько, что он готов был "заговорить так, за просто, с какой-нибудь (первой встречной) аристократкой на улице, разумеется, когда она одна" (2; 107). Иными словами – боязнь женщины сочетается с готовностью познакомиться с первой встречной при условии, если она сама захочет взаимности. Очевидно, именно такой женщиной была Исаева, которая смело шла на чувственный контакт, причем неопытность партнера её отнюдь не смущала. Судя по воспоминаниям Л.Ф.Достоевской, первый серьезный опыт у её отца был именно с Исаевой, но Исаева в жизни Достоевского появилась не просто так, а в силу его укоренившихся весьма странных представлений о любви, о которых читаем и в "Белых ночных", и в других его ранних произведениях.

Любовь "втроём"

Так стоит ли удивляться, что в "Белых ночных" встречаем очередной треугольник: героиня любит сразу двоих, но – разной любовью. Первая любовь – страсть, вторая – некая необычная "любовь-братство". "Любовник-брать" готов отказаться от собственного счастья, лишь бы была счастливой его любимая. Он, казалось бы, готов сделать всё возможное, чтобы возлюбленная была счастлива с его соперником. В итоге соперник торжествует, а носитель некой "комплексовой" любви-братства остается при своих романтических иллюзиях. Не как Вергунов ли? Но, возможно, и Достоевский, о чём ниже.

А что же героиня? Она считает, что любит обоих: "Знаете ли, отчего я так рада?.. Когда я выйду замуж, мы будем очень дружны, больше чем как братья. Я буду вас любить почти так, как его" (2; 128). И, более того, хочет продемонстрировать своему первому возлюбленному, как она любит второго: "Ну, что же? мы встретим его вместе... Я хочу, чтоб он видел, как мы любим друг друга..." (2; 129).

**"Немножко досадно,
что вы не влюбились в меня..."**

В истории Исаевой – ситуация схожая: она мечтается меж двух претендентов, и долго не может выбрать, кто ей больше люб и полезен. Достоевский же, возможно, даже после венчания остается всё при тех же "романтических иллюзиях" (как и упомянутый герой), поскольку чувство к Исаевой, судя по его письмам, и было "любовью-братством", которая, под влиянием обстоятельств, возможно, и переродилась потом в ненависть. Возможно, романтическое увлечение "фантасмагорической" Исаевой не выдержало проверки бытовой прозой. Но может, физиологическая близость оттолкнула друг от друга былых данников "грозного чувства". По воспоминаниям Анны Григорьевны известно, что Достоевский был физиологически грубым человеком. А что, если Исаевой были нужны одновременно оба претендента? На манер героини "Белых ночей", которая восклицает: "Послушайте... а ведь мне немножко досадно, что вы не влюбились в меня!" – в момент, когда герой в своей любви к героине еще не признается. Из чего заключаем: *ей нужны оба*. Или, точнее, – невозможное: *как бы объединить двух в одном?* Читаем: "Знаете ли, что мне пришло теперь в голову? Я вас обоих сравнила. Зачем он – не вы? Зачем он не такой, как вы? Он хуже вас, хоть я и люблю его больше вас" (2; 130, 131).

Модель любви по Достоевскому выходит какая-то странная. Но ведь он ей следовал в жизни, чemu подтверждение – пример Исаевой и терзания по поводу Вергунова. Как фантастически звучат уверения героини, что после женитьбы "я буду любить вас почти так, как его". Не означает ли это, что Достоевскому вообще была "к душе" такая ситуация, когда собственная жена

любит еще кого-нибудь, "по-братьски", "почти так, как его", давая пищу для ревности? Так, возможно, стремительный переезд Вергунова в Семипалатинск вслед за обвенчанными Достоевскими был вовсе не случаен и основывался не только на порыве Вергунова "сесть да ехать" за любимой, – но и отвечал желаниям самого Достоевского? Ведь первоначальные (до 1857 г. включительно) представления писателя о браке были такие фантастически нереальные, что их могла разрушить только суровая проза жизни...

**"Я не люблю его больше,
я его позабуду..."**

Любовь по Достоевскому весьма изменчива и не представляет собою абсолют. Героиня, которая страстно любит первого претендента на её руку и сердце, вдруг заявляет, что "я не люблю его больше, я его позабуду" (2; 133). А герой сам не может понять, как он любит – плотски или братски. Притом, что оба героя считают своё чувство великим, но под влиянием обстоятельств готовы изменить ему, переориентировав на другой объект. Таким образом, в "Белых ночах" содержится некая апология и оправдывание и "изменчивости" Исаевой, и "ветренности" самого Достоевского применительно к позднейшим событиям (начала 60-х), ибо любовь, оказывается, – чувство нестатичное. Если бы Исаева знала (а она могла знать хотя бы по "Белым ночам"!) о некой модели или философии страсти по Достоевскому (которая вряд ли изменилась у него за десять лет, минувших после "Белых ночей") и до конца бы поняла эту "философию", она никогда бы за Достоевского замуж не вышла... Возможно, присутствие Вергунова и до, и после венчания Достоевскому было крайне необходимо. Постоянное (мнимое или реальное) присутствие соперника была неизменным элементом его любовной стратегии. Вот почему Вергунов объявился в Семипалатинске так скоро... Любовь-братство и любовь-плоть должны были сопутствовать не только Исаевой, но и Достоевскому. Плотские устремления Исаевой направлены к Вергунову, а братские – к Достоевскому. У Достоевского же в треугольнике иная роль: он "брать" и для Исаевой, и для Вергунова (что доказывается его письмами).

Вот почему героиня уверяет обоих претендентов в своих равновеликих любовях даже после того, как уже всё кончено и решено: "Я стоял и смотрел на них как убитый. Но она едва подала ему руку, едва бросилась в его объятия, как вдруг снова обернулась ко мне, очутилась подле меня, как ветер, как молния, и прежде чем успел я опомниться, обхватила мою шею обеими руками и крепко, горячо поцеловала меня. Потом, не сказав ни слова, бросилась снова к нему, взяла его за руки и повлекла его за собою..." (2; 139).

**"О боже! Если б я
могла любить вас обоих разом!.."**

Таким образом, в "Белых ночах" находим некий слепок с подобия "групповой" любви. Ибо даже после того, как героиня делает однозначный выбор в пользу плоти и связи с первым претендентом, она клянется в верности второму: "Я сказала, что буду любить вас, я и теперь вас люблю, больше чем люблю. О боже! Если б я могла любить вас обоих разом! О, если бы вы были он!.. О, любите меня, не оставляйте меня, потому что я вас так люблю в эту минуту, потому что я достойна любви вашей, потому что я заслужу её... друг мой милый! На будущей неделе я выхожу за него... Но я хочу прийти к вам вместе с ним; вы его полюбите, не правда ли?.." (2; 140).

То есть героиня опять-таки настаивает на браке в троем, и на любовных узах, объединяемых сразу троих. Очевидно, такая коллизия Достоевским была испытана в реальной жизни периода "Белых ночей" и настолько понравилась, что ему захотелось повторить её. Так в его жизни возникли Исаева и Вергунов...

**"Когда ты поцеловала меня,
туман стал в глазах моих..."**

"Любовь троих" отражена и в "Неточке Незнавовой" (1849 г.). Всё те же мотивы: любовь-братство и любовь-страсть. У жены любовник, который любит её платонически, побратски. Отношения же жены с мужем строятся по схеме "господин-рабыня": "Когда он советовал ей что-нибудь или просил о чём, она выслуш-

шивала его так покорно, так робела за себя, как будто была его раба" (2; 227). Симпатии Достоевского вызывает, однако, не страсть, а братская влюбленность. Из письма любовника к чужой жене узнаем, что вся их потаенная любовь - это один-единственный поцелуй: "Когда ты поцеловала меня (это случилось один раз, и я никогда того не забуду), - туман стал в глазах моих... ты много любишь меня, ты любила меня, как сестра любит брата" (2; 242).

Письма Достоевского позднейшей поры выказывают, как уже сказано, скорее всего и более всего, именно эту "братскую любовь" писателя к Исаевой. Что мог чувствовать сам Достоевский, признаваясь в "братстве" и Исаевой, и Вергунову, можно понять по терзаниям носителя этого "братства" в "Неточке Незнавовой": "Но я низок, я ничтожен, я смешон, а ниже смешного ничего быть не может... я сам смеюсь над собою... я даже и себе смешон и ненавистен. Я это чувствую; я ненавижу даже лицо, фигуру свою, все привычки, все неблагородные ухватки свои..." (2; 242).

"Ты обманулась во мне..."

"Любовь-братство", которое Достоевский пытался реализовать на первых порах взаимоотношений с Исаевой – чувство-смятение, и даже с некоторой аффективированной установкой на фатальный финал. Герой-любовник в "Неточке Незнавовой" пишет: "Ты обманулась во мне. Бот что мне больно, вот что теперь меня мучит, и замучит до смерти, или я с ума сойду" (2; 243). Итак, – "или с ума сойду, или – смерть". Но ведь и в письмах Достоевского поры ухаживания за Исаевой мы тоже находим фразу: "Или с ума сойду, или в Иртыш". Таким образом, терзательное с неким фатальным уклоном "братство", предлагаемое и Исаевой, и Вергунову – "сидело" в Достоевском еще с докторской поры и ждало своего выхода, неожиданно проявившись только в 1855-1857 г.г.

Любовник- "брат" чувствует себя (да и свою партнершу по ситуации) перед его соперником, носителем "любови-страсти", виновным. И предлагает мужу своей возлюбленной – братство и дружбу: "Я только что встретил твоего мужа; мы оба недостойны его, хотя оба безгреш-

ны пред ним. Ему всё известно; он нас видит; он понимает всё, и прежде всё ему было ясно как день. Он геройски стоял за тебя; он спасет тебя... Я бросился к нему, я хотел целовать его руку!.. Он сказал мне, чтоб я ехал немедленно..." (2; 243).

Но ведь и Вергунову, как уже было сказано, Достоевский предлагает дружбу и братство. Так не следовал ли Достоевский в этот момент затейливой фабуле "Неточки Незвановой", и не пытался ли действовать в жизни по шаблону, заданному повестью?

"Прости мне эти слезы!.."

В жизни почти всё произошло копийно. В "Неточке Незвановой" "братства и дружбы" между любовником и мужем не получилось, а наличествовало просто некое соглашение: любовник должен был оставить свою партнершу. Вергунов тоже, похоже, на какое-то время стал "братьем" Достоевскому, но потом "братство" отверг (вспомним некое "ругательное письмо" его, в коем он излагал резоны против брака Достоевского уже после "братания"!). Но на момент "братания" (на один всего момент!) Вергунов уподобляется любовнику из "Неточки Незвановой" и принимается плакать. Схожее место в "Неточке": "Прости мне эти слезы! Я так слаб, так малодушен!.. Ох! еще бы только раз облить твои руки слезами..." (2;243).

И как тут не вспомнить, что Достоевский атtestовал Вергунова как "юношу, который... только и умеет плакать". Однако "плакание" было только в момент братания, после чего Вергунов навязывает Достоевскому бой. Но разве не то же самое делает муж в "Неточке Незвановой"? Разве он не расправляется на свой манер с любовником своей жены? И разве сам Достоевский в ходе "кузнецкой коллизии" не меняет свою роль, превращаясь из "героя-любовника-брата" в мужа? Однако роль мужа, судя по всему, ему не удалась. Мешали въевшиеся еще с молодости представления о возлюбленной как о некой сердобольной сестрице, чьему "Неточка Незванова" – наглядный пример.

"Лицо её было бледно и худо..."

Героиня "Неточки", ставшая объектом спора между мужем и любовником – чахоточная: "Лицо её было бледно и худо; губы её дрожали и запеклись от внутреннего жара" (2; 255). Но Исаева тоже – в чахотке. Конечно, это не значит, что Достоевский специально подыскивал себе "чахоточную" пару, согласно схеме, заданной сюжетом в повести и подсознательным императивом. Совсем наоборот. Искал характер фантастический, необычный (такой, как у Исаевой или у названной героини), а чахоточный процесс лишь отражался на психике заболевших, делая их капризными и несколько фанаберичными. Именно "фанаберии", а не сама болезнь, привлекали Достоевского: его занимал психический сдвиг, необычность поведения, превращающая чахоточных в яркие типажи.

В 1857 году в Достоевском происходит некая чувственная трансформация. Супружеские обязанности и условности, коими он отныне связан, превращают его из носителя "любови-братства" в ревнивого мужа и господина (вспомним: он не оставлял Исаевой даже права на выбор дамских шляпок и лент!). Таким образом, Достоевский как бы перевоплощается из одного героя "Неточки Незвановой" в другого: из любовника – в мужа. Муж в "Неточке Незвановой" клеймит позором романтическую связь жены с любовником (пусть даже эта связь – в одном единственном поцелуе): "Преступление всегда остается преступлением... грех всегда будет грехом, постыдным, гнусным, неблагородным, на какую бы степень величия вы ни вознесли порочное чувство!" (2; 262-263). Ревнивое злопамятство, которое высмеивал Достоевский в "Неточке Незвановой", стало стилем его жизни и творчества. Даже после смерти Исаевой он не прощает ей былой связи с Вергуновым, убеждая вторую жену (а через неё и дочь) в безнравственности первой. Но не было ли так, что вся "связь" Исаевой с Вергуновым – это тот одинственный поцелуй, о котором говорит злопамятный муж в "Неточке Незвановой"? И кто поручится, что написанное Л.Ф.Достоевской про Исаеву – правда, а не злопамятное внушение, сделанное Достоевским из гипертрофированной ревности уже в момент, когда ни Исаевой, ни

Вергунова нет в живых?

Беспощадные "кастрации"

Итак, – Достоевский, возможно, меняет модели поведения, руководствуясь сценами из давно написанных повестей и романов. А всему виной – изменившиеся обстоятельства. В 1860 году, когда Достоевский готовил к печати своё собрание сочинений, он меняет текст "Неточки Незвановой", убирая из него большие куски. Какими соображениями руководствовался он при такой "кастрации" – легко понять, внимательно присмотревшись к означенным "изъятиям". Например, в одном из вычеркнутых мест поминается некая тридцатилетняя героиня, которая "в первые годы замужества... подвергалась... некоторым светским искушениям и гонениям", но "поражала всех блестящей красотой" (2; 440). Налицо явное совпадение: Исаевой в первый год замужества с Достоевским было именно около тридцати, она была красива, и вполне могла подвергаться неприятностям, поскольку все, конечно, знали о том, что её недавний возлюбленный Вергунов поехал за обвенчанной четой из Кузнецка в Семипалатинск отнюдь не случайно. И дабы у информированного читателя не возникло ненужных ассоциаций, основанных на случайных совпадениях означенного места "Неточки Незвановой" с реалиями жизни Достоевского, он при переиздании исключил опасные "сходства" из текста повести.

Сиротка Ларенька

То же самое можно сказать и об обширной истории сиротки Лареньки, которая также оказалась изъятой при переиздании "Неточки Незвановой" в 1860 году. Дело в том, что у читателя могли возникнуть некие аналогии между "сироткой Ларенькой" и пасынком Достоевского Пашенькой (тоже наполовину "сироткой"). Из "кастрированного" текста: "Мальчик... сын бедного чиновника... Когда родители его умерли, князь выхлопотал ему место в одной школе... Но мальчик приводил в отчаяние свою воспитательницу... как его отдали в школу, как ему сначала не хотелось идти в школу... школа оказалась дурною школою, а не самой хорошей, а у папы де-

нег не было, чтоб заплатить за хорошую; как, бывало, папа вместе с мамой по целым часам рассчитывают, сколько будет стоить отдать мальчика в хорошую школу..." (2; 441-443).

Поразительные совпадения! Ведь Достоевский тоже отдает пасынка "в школу", то есть в кадетский корпус – поскольку содержать его при доме не было возможности. Исаева с Достоевским также, несомненно, считали каждую копейку в первые годы женитьбы (свидетельства тому – письма Достоевского). В кадетский корпус Пашеньку отдали раньше времени – и, можно полагать, уже поэтому – против его желания, поскольку пришлось его всё же оттуда забрать. При устройстве в корпус пасынка Достоевский обращается к видным лицам – так что упомянутый "князь", хлопочущий об устройстве сиротки, приобретает как бы реальные черты. Высокопоставленные чины, оказавшие в своё время содействие Достоевскому в пристройстве пасынка, прочитав "Неточку" в новом издании, могли подумать, что под "плохой школой" разумеется как раз то учреждение, в которое Достоевский пытался пристроить пасынка. Могли и обидеться, а посему необходимо было убрать опасное место из текста, дабы ненароком никого не затронуть.

Скупой сиротка

Но главная схожесть наверное, в другом. Ларенька в повести аттестовался весьма непривлекательно: "Сиротка – это такой человек... который остался совсем один и живет у чужих, так что все на него сердятся и бранят его" (2; 442). "Сироткам" вообще Достоевский приписывает самые отталкивающие качества: "Они, например, скупы и жадны, сенсуалисты в высшей степени. И потому никто так и не благодарен за любовь, как ребенок, но благодарность его часто корыстная... Ребенок же по натуре деспот" (2; 443).

Но ведь у Достоевского – тоже ребенок (и он в письмах иногда называется "сироткой"). Читатели могли подумать, что Достоевский разделяется в литературной форме с собственным пасынком, и невесть что вообразить. А уж после слов, что "с отцом Лари сделался в эту же ночь удар, к утру он умер", а схоронил его "некто Федор Ферапонтович" (2; 444), наиболее све-

дующие в фактах биографии Достоевского лица могли и вовсе узреть явное: ведь Достоевский, хоть и не хоронит А.И.Исаева (отца Пашеньки), но факт его смерти для него был всё же судьбоносным, и – надо же, какое совпадение! – Федор Достоевский и герой повести Федор Ферапонтович, склонивший сироткиного отца – имеют одно и то же имя. "Схожестей" оказалось так много и они настолько двусмысленны и подвергаются таким разноречивым толкованиям, что поневоле пришлось отважиться на неизбежные сокращения, вычеркивая многостраничную и достаточно занятно выписанную линию из сюжета повести...

"Щипала и ломала мои бедные пальцы..."

И, наконец, последнее из ранних произведений Достоевского – рассказ "Маленький герой" (писался в 1849 г. в Петропавловской крепости, опубликован в 1857 г.). В нем тоже обнаруживаем некое "трио", и даже не одно, а – два, с одним общим элементом. Одиннадцатилетний "маленький герой" – в двух треугольниках. Первое "трио" – жестокая шалунья, ее муж и названный мальчик – "треугольник понарошку": экспансивная дама причиняет подростку телесные и душевые страдания ("хочотала мне в глаза как безумная... щипала и ломала мои бедные пальцы"), сказавшись "влюбленной в меня по уши". Влюбленность коварной обожательницы была лишь шуткой, однако схема взаимоотношений даже в этом "нарочитом" треугольнике заслуживает внимания: своювольная жена, муж "любит жену до слабости.. он просто поклоняется ей как идолу", жена же изощренные жестокости испытывает на ком ни попадя (2; 271-272). Персонаж, тем не менее, выписан с долей симпатии. Возможно, такой тип женщин Достоевского более всего и интересовал: вспомним – ведь Исаева тоже была экспансивной, и очень умела мучить сватающихся к ней Вергунова и Достоевского сомнениями и колебаниями, переменами настроения. Это был идеал женщины для Достоевского – но только до поры венчания. Когда Достоевский создавал "Маленького героя", он, возможно, действительно считал, что подобным женщинам мужья должны "поклоняться как идолу". И вот экспансивная женщина найдена и

он сам становится мужем. И убеждается, что "страстный элемент" в обыденной жизни вызывает одно лишь беспокойство, и поклоняться безумной шалунье "как идолу" ему уже и в голову не приходит. Таким образом, литературный шаблон, выдуманный Достоевским в романтическим грёзах юности, оказывается разрушенным жизнью.

"Образ недавних доверчивых лет..."

Имеется в "Маленьком герое" и второй треугольник, – реальный. Мальчик страдает по той, чьё сердце принадлежит другому. Некая "Мадам М." – наивна, романтична и имеет "детское лицо", сохранила "образ еще недавних доверчивых лет" и движения "по-детски скорые" (2; 273-274). Эта "треугольная" схема и вообще типаж женщины-девочки для Достоевского, очевидно, тоже приемлемы. Вспомним: Анна Сниткина, вторая жена писателя, тоже имела "детское лицо" и привлекала Достоевского отнюдь не только добросовестным исполнением секретарских и референтских обязанностей. Юные "Лолиты" влекут его всю жизнь, а ранняя любовь девочек – излюбленный его мотив, который кочует из повести в повесть, но это особая тема другого очерка. Так что в "Маленьком герое" в двух треугольниках отражены две разновидности сексуальных объектов, которые влекут Достоевского едва ли не в равной мере: "Лолиты" и некий "страстный экспансивный идол". Очевидно, в Исаевой Достоевский искал экспансивность (или, как писала Л.Ф.Достоевская, "африканские страсти"), а в Сниткиной его привлекал образ нимфетки. Ориентация на эти два таких различных сексуальных стандарта у Достоевского проявляется уже в докторский период, отражаясь в его прозе. Но очень скоро он перейдет от "литературного" изучения близких ему сексуальных типов к их "телесному" познанию, что принесет ему, судя по книге его дочери, немало разочарований...